

Глава 2

1

Вернёмся немного назад во времени.

Сам воздух словно двигался как-то нервно.

Потому что ледяное дыхание леса пусть и болезненно медленно, но просачивалось внутрь. Обогреватель был включён, но он, естественно, мало что мог противопоставить непреодолимому холоду леса за окном. Казалось, не только эта комната, но и весь «Рельсовый цеппелин» постепенно промерзал насквозь.

В этой комнате сидела девушка с серебряными волосами.

Ольга-Мария Асмилейт Анимусфия. Дочь Лорда астрологии.

Вокруг неё царил просто нечеловеческий порядок. Никто бы не сказал, что здесь произошло убийство. Кровать и ковёр, очевидно, заменили, но даже остальная мебель теперь была совершенно другая. Обезглавленное тело Триши Фэллоуз после магической обработки с целью сохранения её Магической метки перенесли в один из грузовых вагонов.

— Нет, что-то не так... что-то явно не так, — прошептала девушка.

Она досконально изучила эту комнату.

Разумеется, лишь после того, как здесь прибрались. Уборка была тщательной, поэтому здесь не осталось практически ничего, что могло скрывать какую-нибудь зацепку. Методы современной науки вряд ли бы помогли обнаружить хоть что-нибудь. Но несмотря на это, юная девушка продолжала старательно изучать эту половину вагона снова и снова.

У неё не было какой-то особой причины делать это.

Лишь едва ощутимое предчувствие. Покинув Эль-Меллоя II и его учеников, она вернулась в свою комнату, поскольку больше ей было некуда податься. Едва переступив порог, она ощутила лёгкую тревогу, нависшую над комнатой, словно пуховое одеяло.

Но дальнейшее изучение помещения, которое прибрали с такой тщательностью, что не осталось даже капли крови, граничило с одержимостью. Упорством, рождённым чем-то большим, чем просто настойчивостью. Умственная усталость залегла мрачными тенями под её глазами. Любой инстинктивно начал бы сокрушаться по поводу такого осквернения столь прекрасного лица, но слегка усталое выражение придавало ей другое неопишное очарование. Изредка неудача способствовала оттачиванию лучших качеств человека, так что сейчас, возможно, был как раз такой случай.

Можно было сказать, что это являлось её лучшим качеством как мага. Как бы сильно это ни выглядело безумием в глазах других, способность следовать собственным убеждениям в течение тысяч лет, не обращая внимания на мнение масс, было правильным путём для ^{нечеловека} мага .

Будучи членом семьи Лорда, она просто последовала за этим чувством тревоги...

— А!

Внезапно, поезд начал двигаться.

Не ожидавшая этого Ольга-Мария споткнулась и поморщилась.

— Ай... Поезд снова движется? — произнесла она, крепко прижав руки к себе.
— Что-то случилось? Нет, что более важно...

Лицо девушки обратилось к пустоте атмосферы в комнате.

Там ничего не было. Лишь лёгкое мерцание холодного воздуха. Но когда она робко протянула руку, то ощутила странный зуд в ладони и начала прощупывать пальцами пустое пространство.

— Заклинание? Не на полу или потолке, а наложенное по координатам относительно вагона? Но если так, то тот противный Лорд заметил бы...

Сказав это вслух, она предстала перед ещё одним фактом.

— Оно реагирует на мою Магическую метку? — споткнувшись, она неосознанно активировала свою метку, чтобы усилить тело. Да, она несла в себе часть Магической метки семьи Анимусфия. Скрытое заклинание явило себя, отреагировав на её активацию.

Иначе она бы, наверное, так его и не заметила.

«Наверное, это...»

Если Триша сидела на стуле, то координаты заклинания находились как раз на уровне её груди.

Коснувшись висевшего в воздухе невидимого магического круга, Ольга-Мария прищурилась.

— Я помню это заклинание...

Вновь и вновь она вырисовывала фигуру в воздухе. Словно её пальцы помнили больше, чем разум, она пыталась докопаться до этого воспоминания.

«Фэллоуз ведь... одна из дочерних семей Анимусфия, да?»

Дело было в Магической метке.

Сильные семьи Часовой башни делили свои метки, чтобы расширить влияние. Это можно было сделать по-разному, но семья Фэллоуз удостоилась высочайшей чести – её члену напрямую пересадили часть Исходной метки Анимусфия.

Это служило доказательством неизменного доверия Анимусфия к семье Фэллоуз и объясняло, почему отец Ольги-Марии поручил Трише столь важное дело. Пусть она и была её личным тьютором, их отношения едва ли можно было назвать идеально гармоничными, и Триша не стеснялась использовать свой хлыст, когда Ольга-Мария не добивалась желаемого результата, но в её преданности семье Анимусфия можно было не сомневаться.

Пальцы Ольги-Марии застыли в воздухе.

Триша обладала элементарным родством с Воображаемыми числами, это она помнила. Область Воображаемых чисел, где «ничто» существовало как конкретный объект, представляло собой некое подобие кармана, места, где предметы перестают взаимодействовать с потоком пространства и времени.

Единственным, что могло взаимодействовать с этим пространственным карманом, было изначальное заклинание. В первую очередь это означало, что лишь тот, кто обладал элементарным родством с Воображаемыми числами, мог получить к нему доступ, но в некоторых случаях существовали и другие способы. По крайней мере, так ей сказала Триша.

— Если оно устроено таким образом, чтобы отреагировать лишь на её Магическую метку... и поскольку она происходит от метки Анимусфия... то и на мою есть реакция?

Это было похоже на замок. Разумеется, как и любой замок, никто другой не мог его отпереть, но если «ослабить» ограничения замка, то можно было передать какой-нибудь предмет другому человеку. Возможно ли было такое, что Триша организовала это пространство Воображаемых чисел для чего-то конкретного?

Ольга-Мария вновь начала аккуратно шевелить пальцами.

Проследив примерно половину круга, они замерли.

— Дальше не идёт. Значит, мне нужен какой-то пароль. Что бы такое выбрала Триша, чтобы я могла догадаться?..

Вспомнив фразу, которую Триша чаще всего говорила ей, Ольга-Мария едва не расплакалась.

Спустя какое-то время она наконец повторила ^{заклинание} пароль.

«Ты дура, Мария. Возьми себя в руки».

Вливая магическую энергию в свои скрюченные пальцы, она повернула их, словно ключ в замке. Воздух будто закрутился, и из кармана появился предмет, с глухим стуком упав на пол.

Глаза Ольги-Марии широко распахнулись.

— Ч-что?..

Это было всё, что она могла сделать, чтобы не закричать.

Как член семьи Лорда и как тот, чью провожатую убили, она всё равно даже представить себе не могла такое.

— Что это!.. Это... слишком странно! Что происходит?! Чем ты занималась, Триша?!

Она начала кричать, не в силах больше сдержаться.

В этот момент её внимание привлёк звук за спиной.

Повернувшись, она увидела тёмную фигуру, скользнувшую в угол комнаты. Спустя мгновение она осознала, что это был извивающийся рой пауков. Разумеется, Ольга-Мария поняла, что это были не простые пауки, а фамильяры какого-то мага.

«За мной наблюдали?»

Стоило этой мысли шокировать её, как дверь в комнату резко распахнулась.

Она должна была быть заперта, но эти пауки, наверное, вскрыли её. Всё-таки все двери в гостевые комнаты были снабжены обычным механическим замком. Для любого более-менее умелого мага отпереть такой было плёвым делом.

— Прости, дитя, — извинился джентльмен, шагнувший в комнату.

Жан-Марио Спинерра. Ведущий глупого телевизионного шоу, что-то там про приготовление зомби. Значит, эти пауки были его фамильярами?

— Думаю, ты уже догадалась, но я следил за тобой какое-то время. Чёрт, мне не удалось ничего найти, но твоя провожатая, похоже, оставила здесь прощальный подарок, — с удивлением произнёс мужчина в белом костюме, пожимая плечами.

А за его спиной...

— А, хорошо.

Ольга-Мария ощутила кивок ещё одного человека.

Им была та, кого она боялась с самого начала.

— Вы нашли это для нас. Что и следовало ожидать от наследницы семьи Анимусфиа.

Магесса с факультета политики, Адасино Хисири радостно улыбнулась.

Очнувшись, я поняла, что лежала на каменной поверхности, неровности которой упирались в спину. Где-то поблизости капала вода. Мой разум уцепился за этот звук разбивающихся о камень капель.

«Пещера?..»

Краем глаза сквозь мутную пелену я заметила нечёткую фигуру, при виде которой все нервы в моём теле будто взбесились. Я попыталась встать, но не смогла вложить силы в свои ноги. Скорее всего, виной этому был Всплеск маны. Учитывая, как сложно было впитывать ману из атмосферы ледяного леса, я полностью израсходовала од своего тела и теперь страдала от последствий.

Но у меня всё равно нашлись силы выкрикнуть имя врага.

— Гефестион!

Македонская воительница сидела перед небольшим костром. Словно не заметив моего оклика, она как ни в чём не бывало продолжала бросать ветки в огонь.

— Похоже, ты очнулась, — сказала она, не отрывая глаз от костра.

Я быстро ощупала себя и поняла, что моя одежда была совершенно сухой. Наверное, с меня убрали весь снег, пока я лежала без сознания. Разумеется, можно было не гадать, кто это сделал.

— Почему ты помогла мне?

— Потому что ты воин, — ответила Гефестион, взглядываясь в пламя. Коротко и резко. Похожие слова я услышала от неё при первой встрече. — Умереть при таких обстоятельствах для тебя было бы неприемлемо. Воин должен погибнуть на поле боя. Я намерена причинять тебе вред здесь, так что не переживай.

Она произнесла это как нечто очевидное. Словно ей задали простейший вопрос. В эпоху, когда секундное промедление могло привести к смерти, столь простой и прямолинейный образ мышления, возможно, ценился превыше всего. Несмотря на мою тревогу, она даже не попыталась напасть на меня.

Я медленно приняла сидячее положение. Затаив дыхание, подстегнула свой мозг. Если я потеряла сознание из-за того, что моя од истощилась, то это произошло не так уж давно. Возможно, не прошло и получаса. Я понятия не имела, как далеко уехал поезд. Его вообще возможно будет нагнать? Даже если у меня не получится, то как сообщить остальным, что со мной всё в порядке? Я никак не могла избавиться от тревоги.

Разум ходил кругами. Моя кровь была ужасно холодной, пот лил в три ручья, и я была не в силах это остановить.

«Будь здесь учитель...»

Даже если бы рядом оказался Флат или Свен, то всё было бы гораздо проще. Мне было интересно, как обстояли дела у Каулеса. Мелвин замыкал нашу группу, поэтому за него я тоже переживала. Но больше всего меня беспокоило состояние учителя.

Но как бы сильно я ни думала об этих вещах, это мне никак не помогало. Вместо того, чтобы гадать, как поступили бы другие, мне надо было понять, что могла сделать я в сложившейся ситуации. Поскольку в переделку угодила именно я, то нужно было придумать наилучший план действий именно для себя.

«Но что я могу сделать?..»

Я бросила взгляд на солдата у костра. Она просто смотрела на огонь, но её присутствие всё равно было удушающим. Интересно, все Героические души вызывали такие ощущения, или же она была особенной? В любом случае мне нужно было получить от неё лишь одно...

После долгих и тщательных раздумий я спросила, осторожно подбирая слова:

— Как ты связана с Героической душой, которую призвал мой учитель?

Я не назвала имя Искандера. Мне было страшно произносить его вслух. Несколько секунд ответом на этот нервный вопрос было лишь эхо моего голоса. Как только оно затихло, Героическая душа наконец подала голос.

— Из всех вопросов ты выбрала именно этот, — проворчала она. — Какова между нами была связь? Да, мне часто задают этот вопрос. Вот уж не ожидала услышать его в такой ситуации.

Гефестион с улыбкой пожала плечами. Выражение её лица почему-то казалось счастливым, когда огонь отбрасывал на него тени. Так мне показалось, но у меня было не так уж много опыта в понимании настроения людей, учитывая количество моих друзей.

Она прищурилась и медленно произнесла, словно обращаясь к самому мраку пещеры:

— Изначально мать велела мне приглядывать за ним.

— Мать? — внезапное появление нового персонажа застало меня врасплох. Разумеется, в разговоре про её жизнь начнут всплывать неизвестные мне люди, но я даже не думала, что это будет чья-то мать. Спросив про Искандера, человека, который ближе всех в истории человечества приблизился к завоеванию мира, я не ожидала, что история начнётся вот так.

— Хмф. Я следовала за ним на полях сражений, отчего многие ошибочно считали нас любовниками. Это принесло мне немало проблем. Но он всё кричал о благословениях Зевса, весь оброс... в итоге от его былой привлекательности не осталось ни следа.

— Вот как...

Я не знала, почему, но эти слова отозвались во мне странным облегчением. Чувство было такое, будто катящийся камень наконец-то остановился, заняв положенное место. Бессмысленное чувство.

— Однако других таких царей больше не было, — с жаром произнесла Героическая душа. Слова Гефестион были резкими, словно она выхватывала их из пламени перед собой. Словно человек, о котором она говорила, стал этим пламенем.

Неугасаемое пламя в виде человека, горящее более двух тысяч лет. Воля огня.

— Великий поход, вторжение в Египет, битва с Дарием III, война в индийских джунглях... от всего этого его сердце пускалось в пляс. Даже при переходе через Ганг его возбуждение нисколько не утихло. Даже когда его сразила болезнь, он подстёгивал нас в бесконечной погоне за тем морем на краю мира. Насколько внушительными были эти слова? Как сильно они нас ослепляли? Как сильно пытали? Даже жар солнца был ерундой в сравнении с ними. От этих слов каждая клетка в наших телах будто закипала, заставляя нас двигаться вперёд. Крича от этой боли, мы прошли тысячи миль. Мы горели так сильно, как только могли, даже когда его пламя угасло, и продолжали идти вперёд.

Даже теперь огонь в сердце Гефестион, казалось, продолжал расти. Его словно было достаточно, чтобы испепелить всё в этой маленькой пещере. Достаточно, чтобы заполнить это тесное пространство воспоминаниями о великих армиях далёкого прошлого. Её следующие слова были наполнены силой, в сравнении с которой меркло даже это пламя.

— Я была его ближайшим другом и никому не позволю это отрицать.

Однако мне хотелось возразить. Прямо или косвенно я слышала, как учитель много раз говорил об этой Героической душе. Те мягкие, но при этом сдержанные слова, будто он обращался к кому-то вдалеке, хранились в моём сердце подобно сокровищу. Только эмоция в словах Гефестион была совершенно иной. При её первой встрече с учителем прошлой ночью я ощутила то же самое. Та же самая эмоция, что отвергла моего учителя, растоптала, не оставляя ни единого шанса на возражение. Казалось, её слова не были обращены к кому-то конкретному. Вовсе нет. Она словно говорила о некоей абсолютной концепции. Как верующий о своём боге...

Это была правда? Если король возвышался символом на зависть своим подданным, то, возможно, такое поклонение было вполне нормальным. Мне казалось, что я была недалеко от истины. Скажи я так, многие со мной, скорее всего, согласились бы. Но почему-то я ощущала едва ощутимые уколы тревоги. Чувство в груди, на которое я не могла не обращать внимания.

— Но ты...

Это чувство воплотилось в вопрос. Я вспомнила сон, который видела. Это была не реальность, а ещё более явная истина, искажённый фрагмент за гранью того, что я могла вообразить самостоятельно. Фигура женщины, стоявшей на краю мира, её дрожащий голос и крик, обращённый к бесконечному морю.

«Ответь мне, Искандер!..»

— Почему ты осуждала Искандера?

Воцарившуюся тишину, казалось, можно было ощутить физически. Пещеру накрыло сильное давление. Странное чувство, которое я не могла описать словами, вырвалось из неё и ударило меня в грудь. Сердце и лёгкие будто зажали в тиски.

— Эм-м-м... Гефестион?..

— Что ты видела?

Её голос напомнил мне змею. Вырвавшийся из её глотки, он был ужасно холодным. Разноцветные глаза смотрели на меня. Их сияние словно отвергло

любые мои потенциальные попытки уклониться от вопроса. Не успела я осознать, что происходило, и отвести взгляд, как она отдала мне приказ с помощью Мистических глаз:

— Отвечай. Что ты видела?

Благородный цвет принуждения.

— В моём сне... ты... — магическая энергия в её глазах заставляла мои губы двигаться. — У далёкого моря... ты стояла одна... и спросила... «Почему ты стремился к этому месту?» «Почему не мог просто забыть?»

Слова вырывались из груди против моей воли. В отличие от нашей первой встречи на крыше вагона, у меня не было в руках Адда, чтобы с его помощью удалить её магическую энергию из моих цепей.

— И ты закричала... «Ответь мне, Искандер»..

После этого я наконец освободилась от проклятия. Её приказ был выполнен.

— Следовало заметить. Ты как жрица. Очень восприимчива к одержимости, — произнесла Гефестион. Её голос походил на скрежет льда по железу. Более слабому человеку расхотелось бы жить от одного лишь его звука. Настолько ядовитой была враждебность, сочившаяся из его глубин. — Но я сказала, что не причиню тебе вреда. Македонский воин никогда не отказывается от своих слов.

Гефестион медленно встала на ноги и отвернулась. Скрип её кожаных сапог по каменному полу был подобен клинку. В воздухе как будто запахло кремнем.

— Как только сможешь двигаться – уходи. Правда, я не знаю, удастся ли тебе догнать поезд.

Сказав это, она покинула пещеру. Прошла почти минута, прежде чем давление исчезло и я смогла расслабиться. Ещё через несколько минут мне удалось унять дрожь в теле и подняться на ноги. Очень хотелось отдохнуть, но тогда про возвращение к учителю можно было бы забыть. Выбравшись из пещеры, я заметила, что ландшафт полностью изменился. Во все стороны простирался привычный густой лес, словно все эти снег и лёд были лишь обманом. В небе светило солнце, однако его лучи едва достигали лесной подстилки, а определить, в какую сторону уехал «Рельсовый цеппелин», было практически невозможно.

— Что же мне теперь делать?.. — пробормотала я, прижав ладонь к груди. Мои пальцы коснулись чего-то внутри плаща.

*

— Мы выбрались...

В пункте управления поездом послышался негромкий вздох проводника. Те, кто его знал, изумились бы столь бесстыдному проявлению облегчения с его стороны. Он всё своё существование посвятил тому, чтобы поезд работал как хорошо отлаженный и смазанный механизм.

— Я опасался, что мы угодили в основное тело Айннаш, но, полагаю, это был крайне нелепый страх...

— Это радует, — аукционистка едва заметно кивнула.

Основное тело Айннаш было существом того же уровня, что и их хозяйка. Им пришлось бы рискнуть жизнью, защищая «Рельсовый цеппелин». Для тех из них, кто остался, это была единственная миссия.

Спустя какое-то время, словно дерево, отделившееся от корней, проводник встал на ноги.

— Мы отстали от графика, но лучше подождать других наших гостей.

Их обычные клиенты уже прислали бы своих фамильяров. Даже если ставка не окажется выигрышной, информация о том, кто какие Мистические глаза заполучил, была необходима для жизни в мире магов. Но они только что вырвались из хватки Дитя Айннаш. Сложно было сказать, появится ли хотя бы половина постоянных клиентов.

Возможно, поняв, в какой ситуации они оказались, аукционистка кивнула.

— По всей видимости, один наш гость так и не выбрался из Дитя Айннаш.

— Если потерялся лишь один, то нам стоит быть благодарными. Тому, во что они верят, или чему-то ещё, — с достоинством произнёс проводник. Так заключил человек, ответственный за работу «Рельсового цеппелина».

— Вот вам и «Рельсовый цеппелин». Нашёл жилу, и даже Дитя Айннаш уже не помеха. Как здорово! Не думал, что увижу нечто такое собственными глазами! — смотревшего в небо Мелвина Вайнса переполняли эмоции.

Они находились посреди травяного поля. Несмотря на то, что зима была в самом разгаре, их окружал зелёный покров, изрезанный местами увядшим вереском. Можно было заметить признаки человеческого вмешательства, однако развитие, возможно, всё ещё находилось на ранней стадии, поскольку вокруг не наблюдалось никаких следов людей или построек. Стоявший в задней части поезда беловолосый молодой человек дрожал, держа в руке футляр для скрипки. Покинув пределы Дитя Айннаш, поезд двигался ещё минут десять, прежде чем остановиться. По всей видимости, как и предполагал Мелвин, лес перестали считать угрозой.

В отличие от Мелвина, Каулес, сидевший рядом с ним в тормозном вагоне, с беспокойством смотрел на исчезающие вдалеке рельсы. Осознав, что именно его тревожило, Мелвин внезапно разволновался.

— Ой, э-э-э, разумеется, я тоже переживаю за мисс Грэй! Но она крепкий орешек, да? Я верю, что она нашла способ выжить в лавине и теперь просто старается нас догнать!

— Можешь не оправдываться, — вздохнул Каулес. — Я знаю, что в душе ты настоящий маг.

За то недолгое время, что они провели вместе, он уже понял, как сильно Мелвину нравилось наблюдать за неудачами других. Этим он очень походил на сводную сестру Эль-Меллоя II – правда, его сестрой она стала лишь в результате фракционной войны в Часовой башне. Однако кое в чём они отличались. Например, в целях и методах. Райнес, похоже, наслаждалась страданиями людей, что являлось главной причиной её взаимодействия с ними. Мелвину же просто хотелось наблюдать за другими, и в результате этих наблюдений он полюбил трагедии.

Спустя несколько секунд Каулес покачал головой, избавляясь от этих мыслей. Алое пятно на платке в нагрудном кармане Мелвина говорило о том, что его снова рвало кровью. Вырвавшись из владений Дитя Айннаш, он на какое-то время вышел из строя, пока принимал гематопэтики, но уже через несколько минут, похоже, пришёл в норму.

— Выглядит так, будто рельсы всё это время были здесь, но факт того, что поезд их потерял, когда перестал чувствовать духовную жилу, говорит об обратном. Их проложили буквально только что? Или же они просто появляются с изнанки мира при приближении «Рельсового цеппелина»? Как интересно! Если я напишу об этом диссертацию, мама наверняка будет мной гордиться! — произнёс Мелвин, глядя на рельсы.

Поезд посетило несколько похожих на тени фигур, которые, судя по всему, были фамильярами, но они, вероятно, просто принадлежали другим гостям, о которых ранее упоминала Иветт. Судя по тому, что они, в отличие от Мелвина,

послали вместо себя фамильяров, их, по всей видимости, не особо интересовало посещение аукциона. Большая их часть собралась в третьем вагоне, где Каулес ещё не бывал. Похоже, там была зона ожидания для фамильяров гостей.

— Значит, аукцион будет сегодня, — сказал Мелвин, голос которого заглушил звук парового свистка.

— Прошу прощения за ожидание. Мы отправляемся согласно расписанию, — прозвучало из ближайшего динамика, и поезд начал выплёвывать облака чёрного дыма. Локомотив пришёл в движение, медленно, но верно набирая скорость. По правде говоря, поезд двигался скорее благодаря некой магии или таинству, нежели паровой машине.

По мере того, как поезд медленно удалялся от пейзажа, на который смотрел Каулес, лицо юноши исказила неприятная гримаса.

— Грэй... — сокрушённо пробормотал он.

Словно сминая под своими колёсами его желания и мольбы, поезд лишь продолжал ускоряться.

Но в следующий момент...

— Вижу её! — лицо Каулеса просветлело.

Грэй скользила по склону одного из холмов вдалеке, преследуя поезд.

*

Я поняла, что «Рельсовый цеппелин» пришёл в движение. Моё тело уже было усилено до предела, поэтому я низко припала к земле, чтобы снизить сопротивление воздуха. Поскольку я вырвалась из плена ледяного леса, усиление давалось гораздо проще, но даже так мне было сложно сказать, успею ли я вовремя.

Поэтому...

— Адд! Сними ограничитель первого уровня!

Не переставая бежать, я высвободила силу Адда. Он принял форму большого щита. Я запрыгнула на щит, словно на сани, и из него тотчас же вырвалась струя пламени. Извинившись перед травой, которую спалил выброс магического огня, я съёжилась от внезапного ускорения.

Щит взмыл в воздух. Описав дугу, я приземлилась рядом с поездом.

— Грэй! — крикнул Каулес и произнёс какую-то арию. За секунду до столкновения с поездом меня подхватил сильный боковой ветер. Врезавшись в вагон, я умудрилась не потерять сознание. Магия ветра Каулеса смягчила удар. Уцепившись за вагон, я слабо опустила голову.

— С-спасибо.

— Как же я рад... — Каулес ответил яркой улыбкой, перегнувшись через металлические перила, — ...что ты успела...

— Да, каким-то чудом.

Придав Адду привычную кубическую форму и вернув его на крючок под плащом, я осторожно забралась на заднюю площадку тормозного вагона, где меня

ждал Каулес. Затем я заметила, что там стоял кто-то ещё, совершенно ошеломлённый, но всё же слабо улыбающийся.

— Привет, Мелвин.

— Ах, мисс Грэй. Рад видеть, что с тобой всё в порядке. А ещё я впечатлён тем, что тебе удалось найти поезд.

В ответ на его потрясённый взгляд я сунула руку под плащ и достала смятый клочок бумаги.

— Это... Ваше приглашение, Мелвин. Простите, я забыла вернуть его Вам.

Приглашение излучало слабый свет, указывая на местонахождение поезда. Скорее всего, эту функцию добавили для того, чтобы тем, кто хотел сесть на поезд посреди аукциона, было проще его найти. Я взяла его, когда мы вытащили Мелвина из леса, и оно привело меня к поезду от самой пещеры.

— Ха-ха, вот так удача! — произнёс Мелвин, почесав затылок.

— Как там учитель?! — невольно вырвалось у меня.

— Не волнуйся. Как только мы выехали из леса, его состояние стабилизировалось, — спокойно ответил Каулес. — Он ещё не очнулся, но это может произойти в любую минуту.

— Вот... как... — силы внезапно покинули меня, ноги подкосились, и я рухнула на пол. Пробежав весь путь на полной скорости и поддерживая при этом усиление тела, я достигла своего предела, стоило Каулесу развеять мои тревоги. Но дело было даже не усталости. Из моего сердца как будто вытащили костяную иглу.

— Хи-хи-хи-хи! Чего это ты разлеглась? И чем ты думала, когда превратила меня в щит и использовала подобным образом? Я не предназначен для того, чтобы...

— Э-э-э, чей это голос?

— Н-ничей.

Покачивая головой в ответ на недоумённый взгляд Мелвина, я незаметно сунула руку под плащ. И разумеется, пропустила мимо ушей раздавшийся приглушённый крик.

Похоже, мне нужно было ещё немного времени, прежде чем подняться на ноги. Стоило мне подумать об этом, как я ощутила свободной рукой что-то тёплое.

— С возвращением, — сказал Каулес, поднимая меня на ноги.

— Спасибо...

— Пойдём проведем профессора?

— Хорошо, — я оперлась на его плечо.

Мы медленно пробирались через грузовые вагоны, когда из темноты возникла чья-то фигура.

— Я заметила, что кто-то запрыгнул на поезд, и решила проверить, всё ли в порядке. Рада, что пришла не зря.

Перед нами стояла женщина в ярких японских одеяниях. На фоне длинных гладких волос цвета ночи выделялись красные губы. Её походка была изящной и элегантной, но при этом совершенно бесшумной. Даже в её осанке благородства было больше, чем в любой магии или таинстве.

Адасино Хисири обворожительно улыбнулась.

— В чём дело?

— Я бы хотела попросить всех собраться в вагоне-вестибюле, — произнесла она таким тоном, будто приглашала нас на чай. Но ожидать от этой женщины столь безобидного приглашения было бы слишком глупо.

— Зачем?.. Что Вы задумали?

— Ну, по правде говоря, у нас нет другого выбора. Наш умник пока не в состоянии что-либо объяснить, так что взять на себя роль детектива, похоже, придётся мне, — мило улыбнувшись, магесса с факультета политики, Адасино Хисири заявила: — Я же не могу назвать имя преступника, пока мы все не соберёмся, верно?